

ОТЗЫВ

официального оппонента, доктора филологических наук, кандидата философских наук, доцента Маркова Александра Викторовича о диссертации Левочского Сергея Сергеевича «Концептуализация символа ночи в философской культуре немецкого романтизма», представленной на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.13 – философская антропология, философия культуры

Диссертационное исследование С.С. Левочского посвящено актуальной проблеме символов-концептов немецкого романтизма. Все знают, сколь значимо стало само понятие символа как для романтической философии, так и для практики романтического движения. По сути, символ стал оболочкой как личных, так и социальных практик, при этом он работал не как «переключатель», позволяющий переходить от бытового к метафизическому и обратно, как в современных социальных теориях, но скорее как общая рамка восприятия любых событий как насыщенных смыслами и потому заключающих в себе некоторый внутренний драматизм. Но если некоторые представления о том, как этот драматизм решен в художественном творчестве и как иначе – в философской мысли, у всех нас есть, то настоящая глубина и научная основательность этих представлений стала возможна благодаря этой во многом новаторской работе.

Актуальность данной работы состоит в том, что впервые символ ночи рассматривается не только как часть романтического стиля, необходимая составляющая соответствующего настроения или мотивный комплекс настолько обширный, что может захватить собой не только жизнетворчество, но и философию – но как конструктивный символ, придающий и другим символам требуемую глубину и раскрывающий свою природу в каждый момент его переживания. До исследования Левочского было бы привычнее говорить о «парадигматичности» ночи в романтическом учении или об особом ее переживании, после которого иначе переживаются другие символы, то после этого исследования можно уже эту парадигматичность понимать во всех смыслах, от «образцовой примерности» до «деятельного участия во всех проявлениях сходно устроенного символа», и по сути, иначе подойти к месту романтического символизма в философии эмоций и философии культуры.

Новизна работы состоит в том, что по сути в ней раскрывается практическая работа символа, можно сказать, прагматический символизм, в тесной связи с современными теориями практик. Особенно важно обращение к наследию фон Гёте, с его развернутой теорией символа, внутри которой и действовали романтики, даже если они заявляли свои иные духовные родины и Гёте держались как направленности больше, чем как учителя способов высказывания. Работа обладает несомненной теоретической и практической значимостью, без нее не обойтись при разговоре о немецком идеализме.

Общие выводы из работы для себя я бы подытожил так. То, что мы называем идеалистической философией символа, представляет собой не просто дедуктивный проект, когда мы из оппозиций отвлеченных вещей (единое-многое, конечное-бесконечное) создаем целую философию культурных взаимодействий, но определенную заинтересованность в культуре, предшествующую философиям культуры XX века, как раз начинающих с заинтересованности в культуре или в ее истине. Только эта заинтересованность не утвердительная, а отрицательная – ночь как всеобщее растворение впечатлений, как редукция привычного опыта и одновременно как опыт произвольного перемещения в пространстве и времени, обнуляет прежние параметры обособленных символов и создает новый символ, который способен не просто воздействовать на сознание, но если можно так сказать, его куда-то «уносить».

Работа С.С. Левочского состоялась как исследование экзистенциальных параметров культуры, работа намечает те пути, которыми вообще должно идти исследование символа, не сводя его ни к набору сюжетов, в том числе жизненных, в котором он участвует, ни к даже самой изощренной, но слишком «готовой» концептуализации. Всякий исследователь символа должен обратиться к этой работе, чтобы понять, что сюжет с символом не является первым этапом жизни символа, что символ сам сначала проблематизирует себя и оказывается экзистенциально подвешенным. Без признания этого невозможна дальнейшая работа самого символа, а значит, распознавание символических смыслов в истории философии и развитие собственной философии символа как части современной теории культуры окажется недостаточным.

Положения, вынесенные на защиту, убедительны и получили исчерпывающее доказательство в работе. Автор изучил довольно широкий круг источников, показав умение работать со сложными философскими концепциями и выделять в них самое главное. Отличные навыки корректного изложения мысли, достаточно эмоционально и метафорически изложенной, говорят о нем как об исследователе высокой квалификации.

Как и всякая интересная и увлекательная работа, данное исследование иногда вызывает вопросы, желание в чем-то поспорить или что-то уточнить. У нас при чтении

возникли следующие вопросы и предложения, на которые, согласно регламенту защиты, предлагаем ответить:

1. Что автор на с. 19 называет «искусствоведческим подходом»? В искусствоведении никогда не было единого всеобщего подхода, если не считать таким чисто антикваристский на заре искусствоведения, который явно не имеется в виду?
2. В каком смысле романтизм на с. 23 назван «глобальным явлением европейской культуры»?
3. Далеко не всегда романтизм прямо противопоставлял «я» и «маску» (с. 29) иногда и «я» тоже могло оказываться маской, и проблема неподлинного не сводится только к критике миметической эстетики, но включает в себя и проблематизацию самых простых функций культуры, таких как механика самосознания.
4. В каком смысле состояние фрустрации названо «сложным психологическим состоянием» (с. 32) – растерянность еще не означает внутреннюю конфликтность.
5. В изложении позиции мистики Бёме и Таулера не привлечено главное понятие *Gottheit*, Божества, которое соединяет эту мистику с ортодоксальной патристикой.
6. Учение Хайдеггера о ночи как «избытке дня» (с. 47) явно связано не только с толкованием Новалиса и Гёльдерлина, но и с учением ранних греческих философов о космической справедливости, выраженном в занимавшем Хайдеггера всегда изречении Анаксимандра.
7. Утверждение, что «романтизм довершает автономизацию искусства» (с. 51) разделяется не всеми искусствоведами, всё же у романтиков искусство не автономно от внутренних сюжетов души. Настоящую автономию мы встречаем только в импрессионизме, подразумевающим совершенно автономный режим восприятия образов и ценностей.
8. Указание, что страшное нарушает «классические установки античного искусства» (с. 60) не вполне понятно, учитывая, что античная трагедия и античная мифология были вполне страшны.
9. Хотя Блейка часто относят к предромантикам, это отнесение не является общепринятым, учитывая связь Блейка со специфически английской религиозностью, неизвестной на континенте. То же самое можно сказать об обращении к поэме Мильтона на с. 101-102.
10. На с. 76 «синтетичным» мышлением называется то, которое мы бы скорее назвали эклектичным. Бесспорно, оно повлияло на новую функцию аллегории как символа в романтизме, но это влияние еще не раскрывает его содержания.
11. Насколько изложенная на с. 110 метафизика свободы Шеллинга с ее

оптическими образами близка гностицизму или неоплатонизму, чтобы оценивать ее именно как часть философии ночи, а не как просто моделирование свободы на основании данных, полученных из авторитетных текстов?

12. Насколько справедливо говорить, что у Гофмана нет «истины... искусства» (с. 114)? Не правильнее ли было бы сказать, что она есть, но иначе понятая именно в статусе истины, как постоянно подвижная и реализующаяся не просто в субъективности человека, но и как сама субъективность человека.

13. Если речь заходит (с. 125) о том, что у Гофмана взрослый мир есть реалистический, а детский – фантазийный, то необходимо было бы более подробно сказать, как возникла эта дихотомия детского и взрослого в романтическую эпоху. Это бы стало прекрасным полигоном, как работает созданная автором диссертационного исследования теория ночного сознания романтизма применительно к другим объектам, другим ключевым тезисам романтизма, которые стали вкладом в мировую науку, как «открытие детства».

14. В работе есть лирические замечания, вдохновленные романтическими текстами но не способные служить метаописаниями, например: «Sehnsucht – предельное состояние романтического чувства, апофеоз жизни» (с. 82). Даже если сказать, что эта фраза излагает позицию Гёте и Новалиса, всё равно как мы можем судить, что это состояние «предельное», вне самого романтического пафоса? Или на с. 94 фраза, что иное «делает мир интересным» понятна только в контексте романтического, а не современного употребления слова «интерес».

15. В работе есть опечатки, например, на с. 31 В.Н. Лосский назван как его отец «Н. Лосский», впрочем, в сноске всё верно. Часто не соблюдается правило ставить кавычки-лапки внутри кавычек-елочек в цитатах.

Данные замечания не умаляют значения данного диссертационного исследования, полностью состоявшегося как научно-квалификационная работа. Что мне дорого, это исследование пробуждает не только мысль, но и необходимые ассоциации и размышления, с которыми по-новому приступаешь к концептуализации такого сложного явления как немецкий идеализм.

Работа вдохновляет на новые размышления о ночном миропонимании не как о некотором эмоциональном итоге романтизма или его привлекательном «бренде», но как о том исходном экспериментальном положении, в свете которого (простите за каламбур, о ночи говорим) мы и можем видеть другие романтические эксперименты.

Автореферат и публикации соответствуют содержанию диссертации. Диссертационное исследование «Концептуализация символа ночи в философской культуре

немецкого романтизма» соответствует требованиям пункта 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 №842, а ее автор, Левочкин Сергей Сергеевич, заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.13 – философская антропология, философия культуры.

Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры кино
и современного искусства ФГБОУ ВО

«Российский государственный гуманитарный университет»

Марков А.В.

20 мая 2019 г.

Официальный оппонент:

Марков Александр Викторович

Ученая степень: Доктор филологических наук

Специальность 10.01.08 – теория литературы, текстология

Ученая степень: Кандидат философских наук

Специальность 09.00.13 – религиоведение, философская антропология, философия культуры

Ученое звание: доцент

Должность: профессор

Название организации: ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»

Подразделение: Кафедра кино и современного искусства

Почтовый адрес: 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6, корпус 5, комната 503.

Контактные телефоны +7-495-250-66-50, +7-916-4558614

E-mail: markovius@gmail.com

Людмила А.Ф. Маркова

Удостоверено

Проректор по непрерывному образованию

Л.Л. Умаренков